

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/22220836/47/4

ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ ПАМЯТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК КОММЕМОРАЦИИ

Людмила Борисовна Зубанова¹, Мария Львовна Шуб²

^{1,2} Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

¹ milazubanova@gmail.com.

² shubka_83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена культурной памяти как устойчивой системы значимых представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических формах и порождающих социальные ценностно-поведенческие модели. В статье представлен социологический анализ коммеморативных практик – контент-анализ наименований улиц, мемориальных досок и памятников на примере Челябинска (анализируемый период с 1991 по 2016 г.). Авторы сопоставляют территориальные и хронологические основания наименований, типы их представленности (личность, событие, место), выявляют наиболее популярную тематику и образно-символические конструкции коммемораций.

Ключевые слова: культурная память, прошлое, коммеморация, политика памяти, коммеморативные практики

Благодарности: Результаты проведенного исследования реализованы в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Для цитирования: Зубанова Л.Б., Шуб М.Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 48–60. doi: 10.17223/22220836/47/4

Original article

THE IMPRINTED MEMORY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS PRACTICIAN OF A KOMMEMORATION

Lyudmila B. Zubanova¹, Maria L. Shub²

^{1,2} Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ milazubanova@gmail.com

² shubka_83@mail.ru

Abstract. Article is devoted to judgment of a phenomenon of cultural memory as steady system of the significant ideas of the past broadcast in generally – symbolical forms and generating social valuable behavioral models. Cultural memory acts as the central semantic kernel of a large number of both foreign, and domestic researches which all variety can be divided into three types conditionally: “archival” (memory understanding as conservative of socially demanded information in a format of social experience); “active” (memory

understanding as mechanism of the translator of social experience); “integrative” (the uniting both approaches to interpretation of essence of memory).

One of forms of an objectification of content of cultural memory is the commemoration understood as set public collective the practician, the values and behavior models directed to formation through ritually issued deduction and reproduction in the relevant culture of the significant for group, symbolically expressed ideas of the past. Intrinsic lines of a commemoration it is possible to call: collective character, publicity (representation of interests of a certain group), institutionality (purposeful organization), emotional involvement of participants into memorial action. Structurally the commemoration can be presented as follows: commemorative kernel (reason for the act of commemoration), commemorative symbol (valuable “loop” of a commemorative kernel) and commemorative function (target vector of a commemoration). Functions of integration, maintenance of identity, socialization, visualization, compensation act as commemorative functions.

The variety commemorative practician can be systematized by their tipologization on various to the bases: on existence duration: short-term and long-term; on subject of a commemorative kernel (personalized, it is event – procedural, topographical); in a form (a parade, a procession, assignment of a name, opening of a commemorative plaque, erection of a monument, etc.); on chronological localization of a commemorative kernel (retrofocused and updated); by origin (authentic and borrowed); on distribution scale (global, local, regional, subcultural); on an emotional message (constructive and destructive); on the nature of action (procedural and static); by the origin nature (natural and artificial), etc.

The sociological analysis three commemorative practician – names of streets, opening of commemorative plaques and monuments on the example of Chelyabinsk is presented in this article (the analyzed period from 1991 to 2016). Authors compare the territorial and chronological bases of names, types of their representation (the personality, an event, the place), reveal the most popular subject and figurative and symbolical designs of commemoration. As the general conclusion following the results of a research it is possible to note the following. In terms of territorial localization commemorative practicians are mainly connected with local history (the regional focused character); temporal – with the XX century, mainly Soviet period (the retro focused type); substantial – with reflection of achievements of outstanding persons (the personal focused type).

Keywords: cultural memory, past, commemoration, politics memory, commemorative practices

Acknowledgments: The results of the conducted research were implemented within the framework of the grant program of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NS-2018 Competition), the project “Culture as the basis of value-spiritual consolidation: the potential of cultural heritage and images of the future”.

For citation: Zubanova, L.B. & Shub, M.L. (2022) The imprinted memory: sociological analysis practician of a commemoration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 47. pp. 48–60. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/47/4

Чем больше мы пытаемся всмотреться в будущее,
тем стремительнее консервируем прошлое.

П. Нора

Дискурс культурной памяти, воплощенный в многообразии вариаций «past-проблематики», на сегодняшний день предстает актуальным и востребованным полем, что находит подтверждение как в научно-исследовательской рефлексии (оформление особого направления, ориентированного на исследование прошлого – *memory-studies*), так и в лавинообразном количестве театральных, кино- и песенных ремейков и ремиксов, набирающих популярность медийных продуктов, в основе которых лежит идея реанимации прошлого. О высоком интересе к прошлому, потребности изучения истории для понимания событий сегодняшнего дня свидетельствуют результаты социологических исследований, проводимых в различных регионах России [1–6].

Интенсификация подобного интереса во многом связана с уходом из жизни свидетелей истории XX столетия, с ускользающей возможностью извлечь максимально продуктивный опыт из их рассказов о пережитых потрясениях Второй мировой войны, памяти о Холокосте – зафиксированных в индивидуальной памяти конструкций травмы, вины, покаяния [6. Р. 107], которые не могут и не должны быть преданы молчаливому забвению. П. Нора связывает востребованность изучения памяти в современную эпоху с нашим чувством ускоряющегося хода времени, которое, в свою очередь, является результатом стремительных темпов развития всех сфер жизни общества [8].

Надындивидуальная память как самостоятельный субстрат, не сводимый к совокупности индивидуальных воспоминаний, отражена в концепциях Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Ю. Лотмана. Публичные формы памяти трактуются как общий для группы социальный опыт (А. Щюц), объективированные посредством знаковых систем коммуникативные акты (П. Бергер, Т. Лукман), средоточие следов событий (П. Рикер), деятельность по совместному переживанию коллективного исторического опыта (А. Мегилл). Несмотря на наличие нюансов в подходах исследователей, их объединяет понимание надындивидуальной памяти как особого, уникального и самостоятельного феномена, специфичного как с точки зрения смыслового наполнения, так и с точки зрения механизмов его трансляции.

Авторские концепции надындивидуальной памяти можно разделить на два смысловых блока: «память как архив» – свойство памяти хранить социально востребованную информацию в формате социального опыта, символов, событийных следов; «память как деятельность» – акцент на процессах трансляции, реконструкции, актуализации общего для группы прошлого. Однако, по нашему мнению, именно объединение данных подходов («память как архив и как деятельность») позволяет исследовать память в интегративном единстве контента («константные коды») и деятельности по его межпоколенной трансляции («интерпретационные коды»). Таким образом, равно значимым определяется и само содержание накопленного социального опыта, востребованного группой на том или ином этапе своего существования, и те способы, с помощью которых этот социальный опыт передается.

В строгом смысле слова есть только индивидуальная память как высшая психическая способность человека накапливать и актуализировать информацию. Коллективы такой способностью не обладают и обладать не могут, поэтому следует признать, что понятие «коллективная память» формально представляет, скорее, метафору, чем строго научный концепт. Однако эта констатация не снимает вопроса о ее сущности, которая проистекает из структуры и специфики индивидуальной памяти. Дело в том, что память отдельно взятого человека устроена чрезвычайно сложно: она включает в себя различные типы и подтипы, выделяемые исходя из различных оснований: содержание, время, организация запоминания и др. Именно последний критерий в контексте наших рассуждений представляет наибольший интерес. С точки зрения организации воспоминаний выделяется процедурная (память на действия) и декларативная (память на названия) память [9. С. 44]. Декларативная память имеет не физиологическую, а социальную природу, так как ее содержание (что запоминать) и организация (как запоминать) диктуются внешними (социальными, культурными) по отношению к организму человека условиями.

Исходя из этого, мы можем определять культурную память как устойчивую систему значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических формах, порождающих определенные ценностно-поведенческие модели членов группы, проявляющиеся в ритуально-коммеморативных практиках. Именно коммеморация является формой объективации и визуализации культурной памяти (восстановлением памяти в ее вещественных репрезентациях), одним из инструментов реализации политики памяти.

На сегодняшний день нельзя говорить о каком бы то ни было едином подходе к осмыслению коммеморации. Этот термин употребляется скорее интуитивно, на уровне здравого смысла, нежели в рамках каких-то четких смысловых границ. С этим связано и то, что разные исследователи под коммеморацией понимают самые различные феномены – от поминовения как такового до празднично-мемориальных церемоний. Актуальная потребность в репрезентациях прошлого в равной степени свойственна всем историческим эпохам. Однако в XX столетии сила традиции как инструмента трансляции прошлого утрачивается, а потому обостряются механизмы искусственного реконструирования истории посредством практик коммеморации: «Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий... Коммеморация – это способ скрепления сообщества, сообщества коммемораторов» [10. С. 116]. Принципиально важным, по мнению А. Мегилла, в понимании сущности коммемораций является, с одной стороны, осознание их презентативности (связь с настоящим, в отличие от памяти, которая, по мнению ученого, своей природой связана с прошлым), а с другой, – их репрезентативности, иллюстративном по отношению к прошлому характере.

Такие ритуалы так или иначе соотносятся с сакральными для группы местами прошлого – местами совершения подвигов, сотворения чудес, смерти героя и т.п. Места памяти, по мнению П. Нора, являются крайней формой существования коммеморативного сознания, порожденного процессом замены памяти историей. И хотя общество, спровоцировавшее эту замену, «ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого» [8. С. 26], тем не менее, ощущая неуверенность в этом будущем, оно нуждается в неких точках опоры, в «иллюзиях вечности». И места памяти, и сопровождающая их политика коммеморации обеспечивают эту опору и иллюзии.

Безусловно, перечисленные концепции не исчерпывают круг авторов, поднимавших в своих исследованиях проблемы коммеморации, но позволяют в большей или меньшей степени выйти к собственному концептуальному видению данной проблемы.

В настоящем исследовании авторы обратились к социологическому анализу коммеморации – совокупности публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом [11. С. 162].

Сущностными признаками коммеморации являются ее коллективный характер, публичность (репрезентация интересов группы), институциональность (целенаправленная организованность), эмоциональная вовлеченность участников в мемориальное действие. Коммеморативная коммуникация осуществляется не столько в пространстве фактов, сколько в пространстве образов, символов и архитипических представлений. В основе коммеморации лежит некий объект (коммеморативное ядро), который, собственно, и является поводом для акта поминовения. В качестве данного объекта могут выступать отдельная личность, событие, совокупность событий, место и т.п. В процессе коммеморации объект превращается в коммеморативный символ (архетип, мифологему), формируемый вокруг коммеморативного ядра и позволяющий выйти в пространство нарратива. Таким коммеморативным символом / нарративом могут выступать различные образы: «корней», «отца-основателя», «жертвы», «героя», «травмы», «победы», «служения» и т.п. Коммеморативный символ, прочитываемый как метафора, выводит коммеморативный объект в общее смысловое поле коллективной памяти, наделяя его ценностным, символическим «шлейфом», моделирующим установки и поведение группы, способствуя ее солидаризации.

Как и в случае с культурной памятью, коммеморация прежде всего выполняет *функцию интеграции*, восстановления единства, реализуя ее через участие в общезначимом ритуале поминовения. Еще одной важной функцией является *поддержание идентичности*: обращение к общему для группы прошлому, к истокам, выступающим основой личностно-групповой самоидентификации. Можно говорить о *социализирующей функции* коммемораций, поскольку через участие в них происходит адаптация, приобщение члена коллектива к культурной памяти группы. Отдельно можно говорить о *функции визуализации* (основная «внешняя» функция коммеморации) как инструменте, позволяющем членам группы считывать и усваивать символы, представления, образы, скрытые в культурной памяти группы. Следует выделить и *компенсаторную функцию*: благодаря эмоциональному погружению в коммеморативное действие, человек, становясь его частью, как бы преодолевает разрыв между прошлым и настоящим, историей и актуальностью, объектом мемориализации и им самим, компенсирует физическую невозможность быть свидетелем мемориальных событий участием в их ритуально-символической реинкарнации.

В исследовательской риторике довольно часто в одном смысловом ряду с понятием коммеморации используют термины «мемориализация» и «ремеморация». Эти термины, на наш взгляд, вряд ли можно назвать синонимичными. Сущность мемориализации значительно шире и заключается в сохранении памяти, в поминовении вообще. К ней можно отнести и открытие новых музеев, и фотографию умершего родственника на стене, и автобиографические заметки. Поэтому коммеморацию следует считать одним из проявлений мемориализации. Ремеморация же (термин, используемый А. Мегиллом и П. Нора) подразумевает намеренную реконструкцию прошлого, переформатирование памяти, исходя из определенных актуальных установок. По смыслу она близка к тому, что Т. Адорно назвал «проработкой прошлого» – своеобразная манипулятивная «подгонка» прошлого, памяти, истории под те или иные интересы группы.

По мнению П. Нора, в объем понятий «места памяти» и, соответственно, «коммеморация» включены следующие практики и объекты мемориального характера:

- переносные (например, разного рода своды законов);
- топографические (любые объекты, связанные с местом их локализации);
- туристические места;
- монументальные (например, статуи или надгробные памятники);
- «великие события»;
- архитектурные (в отличие о монументов, эти места памяти связаны, во-первых, с древностью их создания, а во-вторых, – со «сложным соотношением своих элементов» [Нора, 1999: 47].

Мы видим необходимость в разработке расширенной типологии коммеморативных практик, разделенных по следующим основаниям:

1) по длительности существования: краткосрочные (существующие на протяжении короткого промежутка времени) и долгосрочные (практикуемые в течение длительного исторического промежутка);

2) по тематике коммеморативного ядра: персонализированные, событийно-процессуальные, топографические;

3) по форме: парад, шествие, присвоение имени, открытие мемориальной доски, воздвижение памятника (возможны комбинации этих форм в рамках одного коммеморативного акта);

4) по хронологической локализации коммеморативного ядра (к какому модусу времени относится это ядро): ретроориентированные (далекое прошлое) и актуализированные (недавнее прошлое);

5) по происхождению: аутентичные (связанные с национальной историей) и заимствованные (воспринятые из исторической традиции других стран);

6) по масштабу распространения: глобальные (общемировые), локальные (на уровне отдельного государства), региональные, субкультурные;

7) по эмоциональному посылу: конструктивные и деструктивные;

8) по характеру действия: процессуальные (парад) и статичные (открытие мемориальной доски);

9) по природе происхождения: естественные (обусловленные реальным событием или биографией) и искусственные («изобретенная традиция»);

10) по характеру восприятия: консенсусные (одобряемые всеми социальными группами) и дискуссионные (связанные с недовольством отдельных социальных групп);

11) по источнику происхождения: официальные (институционально-инициированные), народные (инициированные «снизу») и смешанные (в случае открытия мемориальной доски нередко инициатива исходит «снизу», а решение принимается на уровне городских властей).

Безусловно, данная типология является открытой для дополнения. С течением времени будут появляться новые типы коммемораций, а некоторые – уходить в прошлое.

В настоящей статье мы обратимся к опыту контент-анализа конкретных коммеморативных практик, воплощенных в наименовании улиц, мемориальных досок и памятников в Челябинске. Челябинск в качестве исследовательской площадки был выбран не случайно. Будучи генетически городом промышленным, «опорным краем державы», он на многие десятилетия закрепился в обще-

ственном сознании (и самих челябинцев, и россиян в целом) как центр металлургии и как следствие – эпицентр серьезных экологических проблем [12]. Однако в последнее время административными структурами предпринимаются усилия, направленные на символический ребрендинг, трансформацию сложившегося негативного имиджа территории. В этой связи культурная политика играет особую роль не просто инструмента реализации имиджевых стратегий, но и выступает условием формирования особой социокультурной среды, основанной на идеях общественного единения, чувстве локального патриотизма и пр. Эти задачи решаются различными способами, одним из которых может рассматриваться и политика коммеморации.

Социологические исследования «мест памяти» как в ракурсе сопряжения личной идентичности и «идентичности города» [13], так и в непосредственном соединении «масштаба памяти» с ее пространственной репрезентацией на материале обращения к молодым городам среднего Урала [14] в последние годы приобретают особую актуальность и востребованность. Авторами данной статьи был осуществлен контент-анализ наименований улиц, мемориальных досок и памятников Челябинска в период с 1991 по 2016 г. – времени постсоветской действительности, связанной с радикальными трансформациями во всех сферах жизни общества, в том числе в отношении национального прошлого и истории страны. Базой исследования послужили протоколы городской экспертной комиссии по наименованию муниципальных объектов. Всего было рассмотрено 3 014 решений о наименовании муниципального объекта, из которых выделено 514 объектов, имеющих отношение к коммеморации. Конкретные наименования муниципальных объектов в указанный период классифицировались нами по следующим позициям:

- территориальная локализация объекта наименования (региональная, общероссийская или мировая);
- хронологическая локализация объекта наименования (советский или постсоветский периоды);
- тип наименования (личность, событие, место);
- тематика объекта наименования (принадлежность к определенным социальным сферам);
- образно-символический тип персонифицированного объекта наименования (коммеморативный символ, объединяющий героев наименований).

Обратимся к фактическим результатам проведенного исследования.

Наименование улиц

Сам факт присвоения названия улице, проспекту или переулку является актом коммеморации лишь в том случае, если наименования носят мемориальный характер, т.е. призваны зафиксировать в коллективной памяти значимые для группы фрагменты прошлого. За рассматриваемый период было присвоено 216 названий улицам, переулкам и проспектам Челябинска: 60 из них носят мемориальный характер, т.е. направлены на сохранение в «архивах культурной памяти» значимой для группы (в нашем случае – населения г. Челябинска) информации.

Сама по себе интенсивность присвоения улицам мемориальных наименований не может быть названа высокой. Нами не была установлена и ее зависимость от конкретного года или этапа местной, российской или мировой

истории – частота появления улиц с мемориальными коннотациями равномерно распределена по всем годам анализируемого периода и увеличивается лишь параллельно увеличению вновь появляющихся объектов наименования. Было установлено, что 80% всех названий связаны с местной историей, т.е. носят регионально-ориентированный характер; 58% всех названий связаны с фиксацией событий и деятельностью личностей XX столетия; более 80% из них приходится на советский период (это почти половина всех анализируемых названий в целом). Кроме того, 45 улиц из 60 имеют отношение к какой-либо исторической личности, только 12 – к месту и 3 – к процессу или событию.

Дополнительно изучив топографический (названия, связанные с местом) и персонализированный типы коммеморативного ядра, мы выявили, что в первом из них наиболее востребованными являются географические названия (преимущественно названия городов, родом из которых были первопоселенцы Челябинска), а во втором – деятели культуры и военные.

Названия улиц, как нам представляется, реализуют не просто функцию фиксации события, но и политику памяти через символическую коммуникацию с аудиторией. В исследовании улиц были выделены два ключевых коммеморативных символа – «символ наследия» и «символ Героя», воплощающие, соответственно, представления об общем прошлом группы, ее истоках (и историко-географических, и духовных) и транслирующих образ эталонной личности.

Мемориальные доски

Следующим объектом анализа выступили мемориальные доски, установленные в Челябинске в период с 1990 по 2016 г. Мемориальные доски имеют преимущественно региональную локализацию, т.е. отражают интерес общественности к местной истории, выдающимся землякам и их достижениям. Во-вторых, они фиксируют неравномерную хронологическую локализацию с явным доминированием советского периода (большинство героев мемориальных досок или событий, в честь которых они были открыты, относятся к советскому периоду истории нашей страны).

Актуальное прошлое (постсоветский период) занимает второе место по популярности (70 досок из 226). При этом тематически этот период представлен, главным образом, мемориальными досками погибшим в локальных войнах и конфликтах (чеченские войны, военные события в Дагестане, Ингушетии и др.) – 41 из 70 досок. Если же говорить о периоде советской локализации, то его героями в достаточно равномерных пропорциях стали ученые, деятели культуры, сферы промышленного производства. Наибольшее число досок было открыто в честь погибших при исполнении служебных обязанностей военных и сотрудников МВД. На основании изучения коммеморативных ядер были выделены два наиболее распространенных коммеморативных символа – «героической жизни» и «героической смерти», объединяемые мотивом служения Родине. Первый коммеморативный символ коррелируется, главным образом, с советским периодом, второй – с периодом Новейшей истории России.

Памятники и мемориальные комплексы

Возрастающий интерес к проблеме памятника не просто как художественного объекта, но и инструмента формирования культурной памяти во многом объясняется потребностью в материализации воспоминаний, солида-

ризации членов группы через отсылку к символам группового единства – общим фигурам воспоминания.

В Челябинске за период с 1991 по 2016 г. было открыто 78 памятников, из которых только 40 носят мемориальный характер. По критерию территориальной локализации подавляющее большинство памятников относятся к общероссийскому масштабу, т.е. по своему содержанию выходят за пределы региона и связаны с событиями и личностями, внесшими вклад в развитие страны в целом. По критерию хронологической локализации 50% памятников связаны с советским прошлым и, главным образом, с темой Великой Отечественной войны – событием в российской истории прошлого века, обеспечившим как подъем национального самосознания, утверждение нового международного статуса страны, так и великие потрясения, жертвы, страдания и потери [15].

Доминирующим типом коммеморативного ядра является персонализированный тип – практически все памятники посвящены личности (персональный герой) или группе лиц (коллективный герой). Последняя категория является наиболее востребованной, что может объясняться желанием увековечить память о достижениях социальной общности, включив в анналы культурной памяти представление о некоем совместном подвиге или коллективно принесенной жертве. С точки зрения тематики наиболее популярными оказались две группы: участники (погибшие) Великой Отечественной войны и участники (погибшие) иных войн (Первой мировой, русско-японской, афганской и др.), а также сотрудники МВД, погибшие при исполнении служебных обязанностей. Среди «невоенной» тематики чаще всего фигурировали памятники, посвященные представителям сферы культуры.

На основании проведенного анализа были выделены два коммеморативных символа – символ «героической жизни» (33%) (обращенный к сохранению в культурной памяти образов выдающихся личностей и их достижений) и символ «героической смерти» (67%) (связанный с мемориализацией образа героя – воина, защитника Родины, отдавшего за нее свою жизнь). Такую тенденцию мы уже констатировали при изучении наименований улиц и мемориальных досок.

Итак, подведем общий итог проведенному исследованию феномена коммеморации. В последние десятилетия его значение не только в пополнении объема культурной памяти, но и в вопросах формирования коллективных ценностных ориентиров, мировоззренческих и поведенческих установок и управления ими лишь возрастает. По словам британского исследователя Т. Джадта, «до самого последнего времени весь смысл музея, мемориальной доски или памятника состоял в том, чтобы напомнить людям о том, что они и без того знают сами (или думают, что знают). Сегодня, однако, все эти вещи служат другим целям. Музеи и памятники теперь создаются для того, чтобы рассказать людям о вещах, о которых они могут ничего не знать, совершенно забыли или вовсе никогда не слышали. Все сильнее нас охватывает страх, что мы забудем свое прошлое, что оно исчезнет, затеряется в суеде настоящего» [16. С. 45].

Возрастающая роль коммеморативных практик связана не только со страхом забвения прошлого, но и со страхом забвения настоящего – потери ценностной ориентации в социокультурном пространстве, утраты смысло-

жизненных установок, размывания нормативных границ и пр. Такая ситуация порождает, с одной стороны, рост возможностей манипулирования массовым сознанием и поведением, а с другой – необходимость восстановления целостной и идеологически наполненной картины мира людей, обеспечения их консолидированного бытия (иногда два этих процесса взаимосвязаны). Решение этих задач осуществляется в том числе и через обращение к архивам культурной памяти в актах коммеморации: «Изучение мемориальных практик представляет собой ресурс высочайшей эвристической ценности для любого, кто интересуется исследованием соотношения между памятью о прошлом и общественными процессами настоящего. Определить изначальные мотивации, составляющие основу мемориальных практик, заново пережить те конфликты и примирения, которыми на протяжении времени отмечены все перемены... – все это образует важнейшие предпосылки понимания подходов, найденных какой-либо социальной группой, к решению основополагающей проблемы репрезентации природы собственной сущности как для себя самой, так и для других людей» [17. С. 109]. Коммеморативный компонент в рассмотренных нами практиках невелик – в целом он составил 39,5% (исключение, по объективным причинам, составили лишь мемориальные доски), что вполне подтверждает вывод о том, что памятники в городском пространстве все чаще служат не столько визуализации памяти, сколько выполняют развлекательно-декоративные функции «бунта против официальной монументальности» [18. С. 99].

По хронологической локализации коммеморативного ядра (соотнесенность с конкретным историческим этапом) наиболее востребованным оказался ретро-ориентированный тип, связанный, прежде всего, с советским периодом истории нашей страны (он существенно преобладал во всех трех формах коммеморативных практик). Тенденция масштабной рефлексии по поводу советского наследия находит свое подтверждение в исследованиях, ориентированных на сопоставление ценностной символики прошлого и настоящего периодов российской истории. Так, при изучении восприятия образов прошлого и настоящего в представлении петербуржцев позитивные оценки советского общества очевидно преобладали над современным периодом [19. С. 97]. Вероятно, с точки зрения психологического восприятия времени, современность представляется еще не до конца сформированным этапом, с достаточно размытыми смысловыми границами. Чтобы определить, что следует включать в объем культурной памяти, нужна историческая дистанция, взгляд со стороны. Как известно, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Советское прошлое еще зримо присутствует в современности в формате коммуникативной памяти: живы его непосредственные свидетели, актуально советское наследие в науке, культуре, образовании, спорте и пр. И это отличает его от дореволюционного периода, который воспринимается как прошлое в «чистом виде» – давно минувшее и далекое. Именно советское прошлое, несмотря на его спорные и трагические страницы, на сегодняшний день позиционируется в качестве мощной платформы построения национальной идеи, активизации духа патриотизма и чувства национальной гордости в сознании поколений: «...память о советском остается, несмотря на коммуникационные сложности, важным социокультурным полем поиска значимых поколенческих констант. Ее коллективная сила продолжает работать и

производить новые интерпретации советского прошлого, которые становятся частью семейного наследия» [20. С. 154].

В целом изучение коммеморации позволяет не только обозначить основные направления политики памяти, зафиксировать специфику ее наполнения и формы реализации, но и понять симптоматику развития культуры, ее ценностные приоритеты, спрогнозировать возможные сценарии развития в будущем. Именно публичные коммеморативные практики позволяют перевести абстрактно-невыраженное содержание культурной памяти в действенно-практическое русло, репрезентировать ее ключевые идеи. Если феномен прошлого представить в виде вершины перевернутой пирамиды, в которой он выступает в роли смыслового, сущностного истока, то явления такого рода будут занимать более высокий, восходящий трапециевидный уровень. К ним можно отнести историко-культурные образы прошлого (специфика относительно устойчивых, культурно-универсальных, субъективных параметров восприятия прошлого) и культурную память, содержание которой, с одной стороны, формирует эти устойчивые ретро-перцептивные стереотипы, а с другой, во многом опирается на них как некие устойчивые, архетипические ментальные основания. Еще более конкретной формой объективации прошлого можно назвать коммеморативные практики, переводящие мифо-символический «язык» культурной памяти на уровень простых и понятных «обычному человеку» форм (праздников, актов публичного поминовения, мемориальной скульптуры и пр.). И чем дальше мы будем продвигаться от прошлого как условно обозначенной нами вершины пирамиды (феноменологический уровень бытия прошлого), чем сильнее вектор исследовательского интереса будет стремиться к ее основанию (социокультурный уровень бытия прошлого), тем четче будет проявляться потенциал социологического подхода интерпретации прошлого. Этот потенциал, на наш взгляд, заключается, во-первых, в возможностях осуществления социокультурной транслитерации феномена прошлого (переориентации исследовательского ракурса с уровня познания абстрактного феномена на уровень реальной социокультурной практики), во-вторых, в изучении прошлого в его «естественной среде обитания» (в масштабах бытия конкретного человеческого коллектива с определенным набором ценностей, норм, стереотипов, целей и пр.), в-третьих, в осмыслении прошлого как явления, детерминирующего культурные основания и детерминируемого ими, в-четвертых, в интерпретации его ресурсов по решению значимых актуальных проблем на разных этапах развития социальной системы.

Список источников

1. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
2. Аргунова Е.В., Тимофеева М.А. Революционные события и вожди Октября 1917 года в восприятии населения // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 145–152.
3. Cletcher L., Dale K., Hancock Ph., Tyler M. Spaces and Places of Remembering and Commemoration // Organization. 2016. № 1. P. 3–9.
4. Lorenzo-Dus N., Bryan A. Dynamics of Memory: Commemorating the 2005 London Bombings in British Television News // Memory Studies. 2011. № 3. P. 281–297.
5. Cohen A.J. Our Russian Passport: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // Journal of Contemporary History. 2014. № 4. P. 627–651.

6. Stephens J. The Ghosts of Menin Gate: Art, Architecture and Commemoration // *Journal of Contemporary History*. 2009. № 1. P. 7–26.
7. Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 107–117.
8. Нора П. Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 333 с.
9. Шульговский В.В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии. М. : Академия, 2008. 528 с.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : «Канон + » РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
11. Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц г. Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15, № 2. С. 161–169.
12. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Синецкий С.Б., Шуб М.Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах» // *Социологические исследования*. 2017. № 7. С. 132–140.
13. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // *Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 130–139.
14. Веселкова Н.В., Прямыкова Е.В. Вандышева М.Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.
15. Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне: день Победы в историческом сознании россиян // *Социологические исследования*. 2017. № 3. С. 123–133.
16. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.
17. Мильорати Л., Мори Л., Коломиец В.К. Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // *Социологические исследования*. 2014. № 1. С. 108–115.
18. Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект городского визуального пространства // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 95–99.
19. Сикевич З.В. Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев // *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 88–97.
20. Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // *Социологические исследования*. 2017. № 11. С. 147–156.

References

1. Pokida, A.N. & Zybunovskaya, N.V. (2016) Dynamics of the historical memory in the Russian society (results of sociological monitoring). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 98–107. (In Russian).
2. Argunova, E.V. & Timofeeva, M.A. (2018) The 1917 revolutionary events and October leaders in St. Petersburg population views. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 145–152. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162518040165
3. Cutcher, L., Dale, K., Hancock, Ph. & Tyler, M. (2016) Spaces and Places of Remembering and Commemoration. *Organization*. 1. pp. 3–9. DOI: 10.1177/1350508415605111
4. Lorenzo-Dus, N. & Bryan, A. (2011) Dynamics of Memory: Commemorating the 2005 London Bombings in British Television News. *Memory Studies*. 3. pp. 281–297. DOI: 10.1177/1750698011402573
5. Cohen, A.J. (2014) Our Russian Passport: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39. *Journal of Contemporary History*. 4. pp. 627–651. DOI: 10.1177/0022009414538469
6. Stephens, J. (2009) The Ghosts of Menin Gate: Art, Architecture and Commemoration. *Journal of Contemporary History*. 1. pp. 7–26. DOI: 10.1177/0022009408098644
7. Korotetskaya, L.V. (2016) Kholokost kak sotsial'naya i kul'turnaya konstruktsiya pamyati: faktor travmy i pozitsiya zherivy [The Holocaust as a social and cultural construction of memory: the trauma factor and the position of the victim]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 107–117.
8. Nora, P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Shulgovskiy, V.V. (2008) *Fiziologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti s osnovami neyrobiologii* [Physiology of higher nervous activity with the basics of neurobiology]. Moscow: Akademiya.

10. Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon +; ROOI "Reabilitatsiya."
11. Shub, M.L. (2018) Commemoration phenomenon: an experience of culturological analysis of public commemoration practices (by the example of Chelyabinsk streets naming). *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 15(2). pp. 161–169. (In Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169
12. Zubanova, L.B., Zykhoyskaya, N.L., Sinetskiy, S.B. & Shub, M.L. (2017) Ecological culture: efficiency of formation and scenarios of reproduction in "stress-regions." *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 132–140. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162517070157
13. Stop-Rutkovska, K. (2015) Cyber-memory, or: what we do (not) remember in the net. An analysis of local memory: Bialystok and Lublin. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 130–139. (In Russian).
14. Veselkova, N.V., Pryamikova, E.V. & Vandysheva, M.N. (2016) *Mesta pamyati v molodykh gorodakh* [Places of memory in young cities]. Yekaterinburg: Ural State University.
15. Golovashina, O.V., Linchenko, A.A. & Anikin, D.A. (2017) Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 129–133.
16. Judt, T. (2004) "Mesta pamyati" P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat'? ["Places of Memory" by Pierre Nora: Whose Places? Whose memory?]. *Ab Imperio*. 1. pp. 44–71.
17. Migliorati, L., Mori, L. & Kolomiets, V.K. (2014) Ten' klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat' o dvizhenii soprotivleniya i "konfliktnost'" pamyatnykh meropriyatiy [The shadow of the classical heritage and its overcoming. Memory of the resistance movement and the "conflict" of commemorative events]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 108–115.
18. Strelnikova, A.V. (2013) Unusual monuments as objects of urban visual space. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 95–99. (In Russian).
19. Sikevich, Z.V. (2016) Dynamics of the "image" of the past and present in the representations of people from Saint-Petersburg. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 88–97. (In Russian).
20. Omelchenko, E.L. & Andreeva, Yu.V. (2017) What remains in the family history: the memory of "the Soviet" in the conversation of three generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 147–156. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162517110162

Сведения об авторах:

Зубанова Л.Б. – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: milazubanova@gmail.com

Шуб М.Л. – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: shubka_83@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zubanova L.B. – Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: milazubanova@gmail.com

Shub M.L. – Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: shubka_83@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2018;
одобрена после рецензирования 15.03.2019; принята к публикации 30.08.2022.
The article was submitted 28.11.2018;
approved after reviewing 15.03.2019; accepted for publication 30.08.2022.